

ПЕРВОЕ СЕНТЯБРЯ 1911 ГОДА.

(Впечатлѣнія очевидца убійства П. А. Столыпина).

I.

ВІЕСКІЙ городской театр — мѣсто служенія искусству — сдѣлался ареной кроваваго дѣла. Кажется, впервые террористы выбрали театр для совершенія убійства. Нѣтъ болѣе неудобнаго мѣста для ихъ цѣлей, какъ театр. Прежде всего никакой надежды на спасеніе у убійцы возникнуть не можетъ. Около министровъ, на которыхъ болѣе всего охотятся революціонеры, не бываетъ въ театрѣ разношерстной толпы, въ которой можно бы затеряться. Первый рядъ, въ которомъ обычно сидятъ министры на парадныхъ спектакляхъ, всегда въ яркомъ электрическомъ свѣтѣ и у всѣхъ на виду. Подойти къ первому ряду трудно, такъ какъ всегда можно ждать, что проходъ охраняется. Наконецъ выбѣжать некуда — кругомъ нѣсколько полицейскихъ цѣпей. Что касается кievскаго событія, то тамъ дѣло еще болѣе усложнялось, такъ какъ на спектаклѣ присутствовалъ Государь Императоръ съ августѣйшими дочерьми. Значить, охрана была усилена.

И все-таки кровавое дѣло совершилось. Охрана не только не спасла, но была введена въ заблужденіе ловкимъ убійцей и охраняла высокопоставленныхъ лицъ отъ всѣхъ, кромѣ самого убійцы.

Дѣло было обставлено такъ, что въ театр на парадный спектакль пройти было очень трудно. Спектакль устраивался городомъ. Билеты были расписаны между видными и всѣмъ извѣстными

людьми: чиновниками, дворянами и общественными дѣятелями. И многіе даже изъ такихъ извѣстныхъ людей не получили права входа въ театръ, такъ какъ число мѣстъ было ограничено. Часть билетовъ разошлась между думцами, часть между видными кіевлянами: польскими магнатами, состоящими въ придворныхъ должностяхъ или вообще близкими по своимъ симпатіямъ къ русскому двору, чиновниками, дворянами и военными начальниками. Часть представлялась въ пользованіе пріѣхавшихъ съ Государемъ и вообще на кіевскія торжества людей. Кромѣ придворныхъ и министровъ съ ихъ приближенными чиновниками, въ Кіевъ съѣхались со всего Юго-Западнаго края губернаторы, вице-губернаторы, предводители дворянства, новые земскіе дѣятели и начальники военныхъ частей. Наконецъ нельзя было отказать въ билетахъ членамъ кіевскихъ монархическихъ организацій, которые на торжествахъ вообще играли очень видную роль и которымъ вездѣ отводились лучшія мѣста. Къ длинному списку обязательныхъ гостей управа для фона прибавила горсточку учащихся дѣвочекъ и мальчиковъ, отведя имъ часть галерки. Наконецъ, полиція и жандармерія имѣла въ театрѣ видное количество своихъ представителей; жандармскій мундиръ можно было встрѣтить въ антрактахъ: въ фойе, въ буфетѣ, въ коридорахъ.

Дня за два до перваго сентября я былъ въ городской управѣ и просилъ дать мнѣ билетъ, какъ представителю одной московской газеты. Чиновникъ махнулъ въ отвѣтъ рукой:

— Куда тамъ! Генераламъ отказываемъ...

Это не было преувеличеніемъ. Уже послѣ злополучнаго спектакля я случайно разговорился съ однимъ путейскимъ дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ. Онъ жаловался и негодовалъ:

— Мнѣ не дали билета, а Богрову дали...

По одному этому можно судить о составѣ посѣтителей параднаго спектакля. Тамъ были отборныя лица. Поэтому ни у кого и мысли не могло возникнуть о возможности какихъ-нибудь революціонныхъ эксцессовъ въ такой парадной обстановкѣ. Террористу немислимо было пройти туда.

Припоминая разные моменты кіевскихъ торжествъ, можно сказать, что убійцамъ представлялось много гораздо болѣе удобныхъ положеній, чѣмъ театръ. Начиная съ 29-го августа Государь съ августѣйшей семьей и министры ежедневно бывали среди толпы. Всякій знаетъ, что переодѣтые сыщики и полицейскіе, сдерживающіе толпу,—фикція, какъ охрана. Какъ могутъ они предотвратить несчастье, когда неизвѣстная и разнокалиберная толпа находится въ 3—4 шагахъ отъ высокопоставленныхъ лицъ? Къ тому же часто Государь и за нимъ все экипажи ѣхали тихо. Помню одинъ моментъ: въ первый же день по пріѣздѣ въ Кіевъ Государь Императоръ съ августѣйшей семьей и министрами направились изъ дворца

въ Кіево-Печерскую лавру. Народу было тьма. Конные жандармы еле сдерживали толпу въ переулкахъ, прилегающихъ къ Александровской и Никольской улицамъ. Но кое-гдѣ, особенно близко къ лаврѣ, были перерывы, гдѣ на тротуарѣ не было толпы, а стояло 2—3 ряда зрителей. Я попалъ въ одинъ изъ этотъ перерывовъ. Здѣсь было пусто. Тихо замедленной рысью проѣхала мимо насъ процессія. Такихъ моментовъ было много. Толпа была такъ близка къ Государю и министрамъ, что иногда становилось страшно. Купеческій садъ вечеромъ 31-го августа представлялъ уже совсѣмъ удобную позицію для покушенія. Представьте себѣ шеститысячную толпу въ постоянномъ движеніи при очень тускломъ освѣщеніи. Ночь была темная. Сейчасъ же за линіей сада зіялъ черный обрывъ, въ который можно прыгнуть и исчезнуть. Тамъ уже всякіе слѣды терялись. Убійца могъ просто даже скрыться въ толпѣ. Былъ одинъ моментъ, когда толпа бросилась къ обрыву смотрѣть иллюминацію Труханова острова, смяла и уничтожила цвѣтники. Тутъ въ этой суматохѣ было уже очень легко исчезнуть. До чего трудно было въ этотъ вечеръ предохранить купеческій садъ, въ которомъ были высокіе гости, отъ сомнительныхъ людей, можно судить по такому случаю. Мы, корреспонденты газетъ, стояли около Царскаго шалаша и замѣтили, что въ толпѣ трется какой-то человекъ въ мѣщанскомъ картузѣ и ниджакѣ. Всмотрѣлись: и костюмъ, и движенія обличали въ немъ очень подозрительнаго человека. Замѣтила полиція и его отвела въ участокъ. Явился вопросъ: какъ онъ вошелъ въ садъ? Да просто, гораздо проще, чѣмъ всѣ мы, къ которымъ предъявили требованіе показать билетъ. Онъ влѣзъ со стороны обрыва въ садъ. Поздно вечеромъ намъ передали, что нѣкоторые изъ фрячниковъ лишились своихъ часовъ. Видимо, работала цѣлая шайка мошенниковъ, которая не вся же цѣликомъ влѣзла по откосу. Можно думать, что часть этой шайки вошла въ садъ и на законномъ основаніи. На такомъ же основаніи могъ проникнуть туда и террористъ. Послѣ оказалось, что Богровъ былъ въ саду, и только какая-то случайность помѣшала ему совершить свое кровавое дѣло здѣсь..

Наконецъ, что касается П. А. Столыпина, то по пріѣздѣ въ Кіевъ онъ въ первые дни безстрашно ходилъ пѣшкомъ безъ охраны по Институтской улицѣ: изъ генераль-губернаторскаго дома, гдѣ жилъ, въ отдѣленіе государственнаго банка, гдѣ остановился В. Н. Коковцовъ.

Однако судьбѣ угодно было допустить убійство въ томъ мѣстѣ, гдѣ менѣе всего можно было ждать его. Это склоняетъ меня къ мысли, что покушеніе Богрова было случайно, безъ заранее выработаннаго плана. А удалось оно только благодаря крайней оплошности охраны и благопріятному для убійцы стеченію обстоятельствъ, въ силу котораго никто не задержалъ Богрова, когда онъ подхо-

диль къ министру: между тѣмъ ему надо было пройти длинные ряды стульевъ отъ поперечнаго прохода до третьяго ряда.

Билета не имѣли, кромѣ меня, многіе изъ моихъ коллегъ. Лишь два сотрудника мѣстныхъ газетъ сумѣли, благодаря связямъ въ городской управѣ, достать билеты заблаговременно. Но у насъ, безбилетныхъ, оставалась надежда на придворную цензуру, къ которой мы были, такъ сказать, приписаны. Придворная цензура состояла изъ трехъ чиновниковъ: д. с. с. Н. И. Оприца и двухъ его помощниковъ П. Н. Петрова и А. В. Суслова. Всѣ они съ рѣдкой любезностью, мягкостью и добросердечіемъ относились къ намъ. Мы были увѣрены, что намъ, имѣющимъ уже разрѣшительный билетъ отъ императорскаго двора и товарища министра Курлова, генералъ Н. И. Оприцъ не откажетъ въ просьбѣ провести въ театръ. Наканунѣ онъ провелъ насъ въ купеческій садъ. Но когда я обратился къ нему съ просьбой считать меня кандидатомъ въ театръ, онъ отвѣтилъ неопредѣленно:

— Не знаю какъ... Трудно...

Онъ, видимо, учитывалъ то положеніе, когда въ небольшой сравнительно театръ нужно было помѣстить массу народа. Я уже отчаялся попастьъ и приготовился провести вечеръ дома, но одинъ изъ коллегъ отвелъ меня въ сторону и шепнулъ:

— Приходите передъ спектаклемъ сюда, и мы упросимъ Николая Ильича провести насъ.

Въ 8 часовъ вечера 1-го сентября мы собрались въ помѣщеніи цензуры. Корреспондентовъ, желающихъ пойти, оказалось человѣкъ пять. Остальные, основательно предполагая, что «тамъ ничего особеннаго не будетъ», захотѣли отдохнуть вечеромъ. Но, какъ выяснилось послѣ, отдыхать имъ не пришлось. Н. И. Оприцъ обрадовалъ насъ, сказавъ, что въ театрѣ для насъ оставлено нѣсколько мѣстъ.

Когда мы подошли къ театру, площадь была уже совершенно очищена отъ народа, который густой толпой стоялъ по тротуарамъ большой Владимирской и Фундуклеевской улицъ. Кругомъ цѣнь городовыхъ, околоточныхъ и помощниковъ приставовъ. Топтались на своихъ мѣстахъ конные жандармы. Мы шли вдвоемъ съ корреспондентомъ «Колокола» Н. Н. Балабухой. Его форменный видъ, медали и кокарда были такъ внушительны, что насъ пропустили черезъ цѣнь полиціи безъ опроса и удостовѣренія нашей личности.

Подошли къ театру. Около дверей стояло нѣсколько группъ. Нѣсколько людей въ цилиндрахъ кого-то, видимо, ждали. Помню, впереди стоялъ высокій, бритый молодой человѣкъ въ пенснэ и пальто, лицомъ онъ былъ обращенъ къ лѣвому боковому входу. Послѣ, когда было совершено покушеніе и я впервые увидѣлъ Богрова, когда онъ бѣжалъ къ выходу, — мнѣ показалось, что

ожидавший кого-то молодой человек имѣлъ съ убійцею большое сходство..

Въ дверяхъ стояло двое жандармскихъ офицеровъ. Они контролировали билеты. Я замѣтилъ, контроль былъ строгій. «Безпокоили» не только неизвѣстныхъ ффрачниковъ, но и сѣдыхъ генераловъ въ звѣздахъ и орденахъ и ихъ пожилыхъ, расфранченныхъ дамъ. Всѣ покорно вынимали билеты и показывали ихъ контролерамъ. Мы подождали, пока подъѣдутъ чины придворной цензуры. По ихъ словесной просьбѣ, обращенной къ контролерамъ, насъ всѣхъ пропустили въ театръ.

Въ коридорахъ толпились мундиры и кители. Болѣе всего было кителей. Мы, ффрачники, были въ замѣтномъ меньшинствѣ. Раздѣлились и прошли въ ложу бельэтажа, назначенную намъ. Оказалось, что эта ложа занята семьей антрепренера Брыкина. Наши мѣста были сзади ихъ креселъ. Всего насъ, корреспондентовъ, было въ ложѣ шесть человекъ: В. А. Прокофьевъ отъ «Новаго Времени», Н. Н. Бадабуха отъ «Колокола», г. Клепацкій, отъ «Россіи», г. Высотскій отъ «Рижскаго Вѣстника», Е. М. Бабецкій отъ «Южнаго Края» и я. Кое-какъ размѣстились. Ложа была мало удобна для того, чтобы смотрѣть изъ нея на сцену, но зато весь партеръ и, главное, первые ряды его были у насъ на виду, а Царская ложа была прямо противъ насъ.

Театръ весь былъ бѣлый отъ бѣлыхъ платьевъ женщинъ и кителей. Въ партерѣ я насчиталъ только около 20 ффрачниковъ и почти всѣ они были расположены сзади, за исключеніемъ петербургскаго городского головы Глазунова, мѣсто котораго было въ третьемъ ряду недалеко отъ кресла П. А. Столыпина.

Минуть за десять до пріѣзда Государя въ залъ появились министры. Вошелъ Кассо, Сухомлиновъ, Саблеръ. Наконецъ прошель къ своему креслу председатель совѣта министровъ. Взоры всѣхъ были устремлены на него. Онъ сталъ лицомъ къ публикѣ. Его румяное лицо было ясно и, повидимому, спокойно. Никому въ залъ не приходило въ голову, что черезъ полтора часа этотъ большой, сильный человекъ будетъ сидѣть въ креслѣ блѣдный, съ закрытыми отъ слабости глазами. Министръ разговаривалъ о чемъ-то съ подошедшимъ къ нему Кассо. Потомъ бесѣдовалъ съ какимъ-то полнымъ молодымъ администраторомъ. Раскланивался съ Глазуновымъ и другими лицами. Однимъ изъ послѣднихъ вошелъ въ залъ В. Н. Коковцовъ и прошель въ противоположную отъ кресла П. А. Столыпина сторону перваго ряда, ближе къ нашей ложѣ.

Наконецъ, около 9 часовъ пріѣхалъ Государь съ двумя августѣйшими дочерьми: Ольгой и Татьяной. Государь сѣлъ въ выступѣ генераль-губернаторской ложи и былъ весь открытъ театру. Около него, также на виду у зрителей, сѣли августѣйшія княжны. Намъ

было видно, что въ глубинѣ Царской ложи рядомъ съ Государемъ занялъ мѣсто болгарскій княжичъ Борисъ Тырновскій, а за нимъ великіе князья Андрей Владимировичъ и Сергій Михайловичъ. Одинъ изъ великихъ князей положилъ на барьеръ передъ Государемъ афишу, которую Царь уже въ темнотѣ долго разматривалъ и читалъ и затѣмъ передалъ дочерямъ.

Послѣ троекратнаго гимна начался первый актъ «Сказки о Царѣ Салтанѣ». Постановка была прекрасная, голоса также недурны. Играли г-жа Воронецъ, которую выписали специально для этой пьесы изъ Одессы, гг. Улукановъ, Орѣшкевичъ, Томскій (Кочуровъ) и др. Я видѣлъ, какъ Столыпинъ во время перваго дѣйствія раза два взглянулъ на Государя. Казалось, что его мало интересуетъ сцена, а тревожить или просто занимаетъ что-то другое. Но лицо его попрежнему оставалось внѣшне спокойно. Кончился актъ. Всѣ встали. Государь просидѣлъ на мѣстѣ минуту и затѣмъ вышелъ въ свое фойе. Туда же направились и великія княжны. П. А. Столыпинъ оставался на мѣстѣ. Около него образовалась группа. Сзади его кресла, но въ третьемъ ряду, я увидалъ его великорослаго адъютанта-тѣлохранителя г. Есаулова.

Такъ же прошелъ и второй актъ, послѣ котораго всѣ присутствовавшіе въ Царской ложѣ ушли въ свое фойе. П. А. Столыпинъ всталъ, повернулся лицомъ къ публикѣ и оперся на барьеръ. Около него стояли военный министръ Сухомлиновъ и шталмейстеръ графъ Потоцкій. Первые ряды на большое протяженіе были пусты. Было одиннадцать съ половиною часовъ. Оставалось 12 минутъ до окончанія спектакля: послѣ этого послѣдняго антракта должна была пройти только небольшая картина.

Я вышелъ въ коридоръ, прошелся и когда опять поровнялся съ своей ложей, то услыхалъ два одинъ за другимъ послѣдовавшихъ сухихъ, но рѣзкихъ треска. Первая моя мысль была такова: «Что-то лопнуло. Электрическій приборъ какой-нибудь?». Всѣ были страшно далеки отъ мысли о покушеніи. Какой-то офицеръ пробѣжалъ мимо и проговорилъ: «Это шампанское». Но Н. Н. Балабуха, выбѣжавшій, кажется, изъ буфета, сказалъ: «выстрѣлы». Мы бросились въ свою ложу. Все это было дѣломъ нѣсколькихъ секундъ. У меня въ это время промелькнула мысль: «не самоубійство ли?». Потомъ эту мысль вытѣснила другая: «если покушеніе, то понятно на кого»... Послѣ, когда всѣ дѣлились своими впечатлѣніями, я узналъ, что у всѣхъ была эта послѣдняя мысль.

Наша ложа была пуста. Прежде всего до меня донеслось восклицаніе дамы, сидящей за роялемъ въ оркестрѣ:

— Государь живъ.

Общее напряженіе послѣ этихъ словъ немного упало. Одновременно послышался чей-то пронзительный, видимо, женскій крикъ. Кто-то, должно быть, упалъ въ обморокъ. Мы посмотрѣли внизъ и

замерли. П. А. Столыпинъ стоялъ блѣдный, безъ кровинки въ лицѣ, лицомъ уже къ спенѣ и лѣнивымъ, вѣрнѣе, больнымъ длительнымъ движеніемъ снималъ съ себя китель. Когда снялъ и передалъ кому-то изъ группы, его окружавшей, я увидалъ на его бѣломъ жилетѣ немного повыше праваго кармана красное пятно величиной въ мѣдный пятакъ. Затѣмъ раненый повернулъ лицо къ Государевой ложѣ, которая была пуста, и лѣвой рукой сдѣлалъ по направленію къ ней жестъ. Этотъ жестъ я видѣлъ отчетливо. Онъ или успокаивалъ, или, вѣрнѣе всего, предостерегалъ:

— Не ходите сюда.

Послѣ этого онъ сѣлъ въ кресло, вытянулъ какъ-то неестественно ноги и уронилъ голову на грудь. Видимо, онъ сталъ слабѣть. Въ моей памяти запечатлѣлась одна подробность: кто-то въ военной формѣ быстро подошелъ изнутри Царской ложи къ ея барьеру, заглянулъ въ залъ и такъ же быстро удалился вглубь. Кто—я не могъ упомянуть.

Одновременно съ пораненіемъ министра я увидалъ другую картину. Какой-то высокій молодой человѣкъ, мнѣ показалось, бѣлокурый, съ закинутыми назадъ волосами, очень блѣдный, сильнымъ движеніемъ рукъ отбросилъ отъ себя двухъ военныхъ, пытавшихся его схватить, обернулся на мигъ лицомъ къ намъ и кинулся къ правому выходу, но сейчасъ же былъ схваченъ и сбитъ съ ногъ. Человѣкъ пятьдесятъ чиновниковъ, военныхъ, камергеровъ, «союзниковъ» набросилось на него. Убійцу уже не было видно, онъ лежалъ на полу. Толпа мяла его, терзала, била. Какой-то чиновникъ, стоя въ ложѣ Потоцкихъ около выхода, обнажилъ шпагу. Влестнуло лезвіе и опустилось на убійцу. Этотъ же чиновникъ выскочилъ изъ ложи на спину или на грудь его и сталъ топтать. Въ эту страшную минуту театръ жилъ страшною жизнью. Сверху изъ ложъ изступленно кричали:

— Убить его! Убить!

Кричали женщины. Кричали истерически, жестикулируя руками. У мужчинъ оказалось болѣе благоразумія. На крикъ «убить» они отвѣчали:

— Зачѣмъ убивать? На судъ. Оставьте его.

У меня осталась въ памяти такая картина. Рядомъ съ нами была ложа извѣстнаго кіевского администратора. Тамъ стояли двѣ женщины и кричали: «убить». Я видѣлъ ихъ изступленные лица. А онъ урезонивалъ.

— Что вы! Что вы! Развѣ можно?

Среди яростныхъ криковъ толпы, избивающей убійцу, вдругъ выдѣлился одинъ хриплый голосъ:

— Гимнъ.

Но его не поддержали. Нашъ сосѣдъ по ложѣ закричалъ:

— Не надо... Министръ еще въ залѣ.

Потомъ избитаго убійцу толпа выволокла изъ зала. Я его больше не видалъ. Перевелъ глаза на Столыпина. Онъ сидѣлъ, склонившись на бокъ, закрывъ глаза. Его поддерживали. Въ газетахъ писали, что послѣ выстрѣловъ находившіяся вблизи премьера лица побѣжали отъ него прочь. Это невѣрно. Всѣ остались здѣсь и окружили раненаго. Его подняли человѣкъ восемь и, насколько можно осторожно, вынесли изъ зала. Этотъ переносъ, видимо, усилилъ боль, — гримасы блѣднаго лица выдавали мучительныя страданія. Министръ сжалъ зубы, чтобы не стонать и не кричать.

Процессія съ раненымъ еще не вышла изъ зала, какъ въ ложѣ появился Государь. Открыли занавѣсъ. Вся труппа въ костюмахъ, во главѣ съ антрепренеромъ Брыкинымъ и режиссеромъ Гецевичемъ, стояла на сценѣ. Запѣли гимнъ. Вмѣстѣ съ артистками запѣлъ весь театръ. Подъемъ былъ необычайный. Нѣкоторыя артистки стояли на сценѣ на колѣняхъ и протягивали руки къ Государю. Государь кланялся. Театръ кричалъ «ура». Гимнъ былъ повторенъ три раза. Когда Государь ушелъ, кто-то на верхахъ запѣлъ «Спаси, Господи». Его поддерживали артисты и весь театръ. Молитву пропѣли три раза.

Государь съ августѣйшими дочерьми сейчасъ же уѣхалъ во дворецъ. Спектакль не былъ доконченъ. Всѣ стали разъѣзжаться. П. А. Столыпина вынесли въ тотъ же выходъ, въ который выволокли и убійцу. Раненаго положили на маленькій малиновый диванчикъ, стоявшій недалеко отъ кассы. Здѣсь профессора Рейнтъ и Оболонскій остановили ему кровь. Затѣмъ въ каретѣ скорой медицинской помощи больного увезли въ хирургическую лечебницу Маковскихъ. Передаютъ, когда карета скорой помощи, вызванная по телефону, ѣхала въ театръ, ее не хотѣли пропустить сквозь полицейскую цѣпь, требовали пропускъ. Но кучеръ стегнулъ лошадей, и карета проѣхала безъ пропуска.

Въ коридорѣ убійцу вырвали изъ рукъ разъяренной толпы, арестовали и препроводили въ буфетъ генераль-губернаторской логи, гдѣ сняли съ него первое показаніе. Лицо изъ театральной администраціи, видѣвшее его въ этотъ моментъ, рассказывало мнѣ, что хотя Богровъ и былъ сильно избитъ (у него оказалась сѣченая ранка на лбу, выбиты два зуба, шишка отъ бинокля, которымъ кто-то ударилъ его изъ логи, боль подъ ложечкой, растерзанный костюмъ), но все-таки былъ въ сознаніи, держалъ себя спокойно, даже вызывающе, попросилъ папироску.

Допрашивалъ его судебный слѣдователь по особо важнымъ дѣламъ Фененко и товарищъ прокурора Стѣпущкинъ при прокурорѣ судебной палаты Чаплинскомъ и при другихъ чинахъ судебного вѣдомства. Убійца назвалъ себя Дмитріемъ Григорьевичемъ Богровымъ. Онъ еврей, помощникъ присяжнаго повѣреннаго киевскаго округа, 27 лѣтъ. Два года какъ окончилъ университетъ.

Въ карманѣ его былъ найденъ театральнй билетъ № 406 въ восемнадцатомъ ряду партера, выданный кievскимъ охраннымъ отдѣленіемъ. Богровъ самъ писалъ свое показаніе. Писалъ долго. Допросъ кончился въ пять часовъ утра. Затѣмъ на убійцу надѣли наручники. Онъ протестовалъ:

— Мнѣ же больно,—сказалъ онъ.

Но на протестъ не обратили вниманія.

Какъ бы не довѣряя одному наручнику, Богрову скрутили руки веревками, посадили въ карету и отвезли въ крѣпость Косой капонирь, находящуюся гдѣ-то около Печерской лавры.

По дорогѣ въ крѣпость Богровъ обратился къ одному изъ сопровождавшихъ его полицейскихъ съ просьбой дать ему папиросу.

— Вся эта исторія меня страшно взволновала, я до сихъ поръ не могу очнуться,—сказалъ онъ.

Но вернемся немного назадъ. Мы, корреспонденты, задержались въ своей ложѣ и обсуждали событіе. Въ ложу пришелъ взволнованный антрепренеръ Брыкинъ. Обращаясь къ своей женѣ, онъ съ горечью замѣтилъ:

— Нужно же ему именно въ театрѣ...

Онъ затратилъ много энергіи на постановку спектакля, такъ долго готовился къ нему, и все это пошло прахомъ. Выстрѣлъ Богрова уничтожилъ всѣ хорошія впечатлѣнія отъ пьесы.

Потомъ мы стали расходиться. Въ коридорахъ и въ фойе оставались еще группы, обсуждавшія злобу вечера. Я подошелъ къ одной группѣ. Старый, сѣдой чиновникъ въ чинѣ генерала говорилъ:

— Гдѣ же была охрана?

Въ это время еще не было извѣстно, что Богровъ прошелъ въ театръ по билету охранныаго отдѣленія. Чиновнику отвѣчали:

— Эхъ, охрана! Наша охрана...

— Гдѣ же былъ тѣлохранитель Столышина?

— Въ коридорѣ.

Дѣйствительно, г. Есаулова не было въ тотъ моментъ въ залѣ. Послѣ я бесѣдовалъ съ докторомъ Маковскимъ, который сообщилъ,— не знаю, съ чьихъ словъ,—что тѣлохранитель по окончаніи второго акта былъ посланъ П. А. Столышинымъ приготовить автомобиль, такъ какъ министръ хотѣлъ однимъ изъ первыхъ сейчасъ же послѣ третьяго акта уѣхать изъ театра домой. Начальникъ охранныаго отдѣленія Кулябко послѣ передавалъ, что автомобиль министра былъ приготовленъ и дожидался его у подъѣзда, поэтому незачѣмъ было посылать адъютанта готовить его.

Объ охранѣ во всѣхъ группахъ говорили съ ожесточеніемъ и негодованіемъ.

— Вѣдь при такой халатности и не Столышина можно было убить...

— Да, не было ничего легче...

Нѣкоторые задавали вопросъ:

— Какъ могло случиться, что въ театрѣ, наполненный отборными въ смыслѣ благонадежности лицами, попалъ революціонеръ?

Отвѣтъ на этотъ вопросъ сталъ извѣстенъ только на другой день.

Въ другой группѣ шелъ такой разговоръ:

— Кто стрѣлялъ?

— Какой-то Богровъ, здѣшній адвокатъ. Его сейчасъ опозналъ одинъ бывший въ театрѣ членъ суда...

— Кто онъ, русскій?

— Нѣтъ, еврей...

Полковникъ, стоявшій около, облегченно произнесъ:

— Славу Богу, что не русскій...

И перекрестился.

Онъ забылъ, видимо, что у насъ были Рысаковъ, Желябовъ, Перовская, Каляевъ, Сазоновъ, Карповичъ...

Тутъ въ разговорѣ выяснилась одна подробность. Нѣкоторые думали, что выстрѣлъ былъ произведенъ со сцены.

Мы вышли изъ театра и пошли сначала пѣшкомъ въ помѣщеніе цензуры. Кіевъ, видимо, уже зналъ о печальномъ событіи. На улицахъ составлялись группы и даже стояли толпы, гдѣ передавались подробности покушенія. Слышались мрачныя предсказанія:

— Погромы не избѣжать...

п.

Утромъ 2-го сентября Кіевъ проснулся въ очень тревожномъ настроеніи. Сейчасъ же выяснилось опредѣленно, что убійца еврей. Его многіе знали, знали отца его и всю семью.

Отецъ Богрова извѣстный въ городѣ присяжный повѣренный, членъ дворянскаго клуба и предсѣдатель старшинъ въ еврейскомъ клубѣ. Извѣстенъ онъ былъ Кіеву и какъ счастливый игрокъ въ азартныя игры. Собственно говоря, онъ и жилъ въ послѣднее время картами, практику же забросилъ. Его состояніе оцѣнивалось до милліона. Однако нѣсколько лѣтъ тому назадъ фортуна стала измѣнять ему. Во время поѣздки въ Петербургъ онъ проигралъ въ одномъ изъ клубовъ болѣе ста тысячъ рублей. Съ этого момента онъ потерялъ хладнокровіе, сталъ играть безъ выдержки и вскорѣ проигралъ почти все деньги, нажитыя за нѣсколько лѣтъ удачной игры. Выстроенный имъ на Бибиковскомъ бульварѣ громадный домъ пришлось заложить.

Самого убійцу также знали, какъ молодого человѣка, почти не занимавшагося адвокатурой, но увлекающагося азартными играми, тотализаторомъ и спортомъ. Впрочемъ, увлеченіе его не

носило широкаго масштаба, не было безпардоннымъ. Онъ проигрывалъ небольшія деньги. О революціонной дѣятельности его никто не зналъ. Тѣмъ менѣе могъ кто-нибудь знать объ его связи съ охраннымъ отдѣленіемъ.

Но всѣ эти подробности отошли въ сторону передъ главнымъ: «Богровъ еврей». Уже въ ночь покушенія много евреевъ, наспѣхъ собравшись, покинули Кіевъ. Въ томъ, что сегодня или въ крайнемъ случаѣ послѣ 6-го сентября, когда Государь уѣдетъ изъ Кіева, неминуемъ погромъ, никто не сомнѣвался. На биржѣ началась паника. Я былъ въ тотъ день у биржевого нотариуса. Онъ сказалъ:

— Платежи по векселямъ поступаютъ туго. Нѣкоторые изъ евреевъ приходятъ и говорятъ, что отъ уплаты они воздерживаются, такъ какъ не надѣются, что завтра не будутъ разорены.

Событія всего дня развивались какъ разъ въ сторону погрома. Утромъ начали служить вездѣ молебны о выздоровленіи раненаго министра. Въ Софійскомъ соборѣ такой молебенъ состоялся въ два часа дня. Послѣ богослуженія толпа изъ членовъ монархическихъ организацій человѣкъ въ полтора съ пѣніемъ «Спаси, Господи», собралась во дворѣ собора. Среди нихъ появились большіе портреты Государя Императора и Государыни Императрицы. Начались бурныя, зажитательныя рѣчи. Ораторы открыто и страстно призывали къ погрому. Въ особенности много и сильно въ этомъ направленіи говорилъ студентъ Голубевъ отъ имени «союза Михаила Архангела». За нимъ взялъ слово одинъ старикъ въ бѣлой парусиновой поддевкѣ, съ широкой трехцвѣтной національной лентой черезъ плечо и со значкомъ союза русскаго народа. Онъ говорилъ:

— Православные. Ничего не предпринимайте до 6-го числа. Мы оскорбимъ этимъ Царя-батюшку...

Полиція первое время была совершенно безсильна. Она ограничилась сначала тѣмъ, что никого изъ постороннихъ не пускала въ двери собора. Но съ толпой манифестантовъ подѣлать ничего не могла. Кіевской полиціи тутъ не было, была московская. Я встрѣтился на площади съ однимъ знакомымъ по Москвѣ помощникомъ пристава. Онъ былъ въ отчаяніи.

— Положительно не знаю, что дѣлать. У нихъ планъ: эта толпа пойдетъ отсюда къ Крещатику, а другая направляется сейчасъ съ Подола на Крещатикъ. Тамъ они соединятся и начнутъ громить. Погрома не избѣжать. Послушайте, что они говорятъ!

Толпа со двора Софійскаго собора направилась съ пѣніемъ и рѣчами на Софійскую площадь. Здѣсь у памятника Богдану Хмельницкому она задержалась на минуту. Помощникъ пристава опять хотѣлъ было убѣдить манифестантовъ разойтись. Но толпа направилась къ Михайловской площади. Я пошелъ съ ней. Толпа мани-

фестантовъ была, въ сущности, очень небольшая, больше было зѣвакъ и любопытныхъ. Около памятника св. Ольги, на которомъ въ то время еще было надѣто полотно, такъ какъ памятникъ не былъ освященъ, толпу постигла неудача. Московская полиція поняла, что надо дѣйствовать смѣло, иначе быть большой бѣдѣ. Помощникъ пристава выбралъ трехъ «агитаторовъ», среди которыхъ очутился студентъ Голубевъ, и арестовалъ ихъ. Портреты были отобраны. Толпа зашумѣла было, стала грозить, что донесетъ начальству, но... все-таки разошлась. Въ это время другую толпу, шедшую съ Подола, разсѣяли казаки. Послѣ стало извѣстно, что члены монархическихъ организацій обращались съ жалобой на полицію почему-то къ оберъ-прокурору В. К. Саблеру.

Любопытно, что, когда главари манифестаціи были арестованы, нѣкоторые жители подошли къ полицейскимъ офицерамъ и благодарили ихъ.

— За что же? Мы исполнили нашу обязанность, — удивились тѣ. Тревога, конечно, не улеглась.

Утромъ состоялось экстренное собраніе городской думы. Это собраніе въ Кіевѣ названо «историческимъ». Открывая засѣданіе, городской голова, между прочимъ, сказалъ:

— Всѣ мѣры, которыя мы, представители города, приняли для безопасности высокихъ особъ, были по силѣ нашей возможности. Если и произошло прискорбное событіе, то не по винѣ городского управленія. Преступникъ былъ допущенъ другимъ административнымъ учрежденіемъ, которому, по распоряженію губернатора, мы передали нѣсколько билетовъ.

Это поразило всѣхъ страшно. Лидеръ кіевскихъ думскихъ націоналистовъ гласный Іозефи предложилъ головѣ опредѣленно и точно отвѣтить:

— Какъ Богровъ попалъ въ театръ?

Голова отвѣтилъ:

— Къ намъ обратилась администрація съ просьбой выдать 10 билетовъ для чиновъ охраны. Вотъ въ этой книгѣ (показываетъ книгу) есть расписка въ полученіи этихъ билетовъ начальникомъ охраннаго отдѣленія подполковникомъ Кулябкомъ.

Всѣ стали смотрѣть книгу. Дѣйствительно, богровскій билетъ (кресло № 406) былъ выданъ охранному отдѣленію. Тогда г. Іозефи предложилъ, чтобы не потерялись слѣды и доказательства, сфотографировать мѣсто въ книгѣ съ распиской, чтобы открыто заявить всѣмъ, что городское управленіе въ этомъ страшномъ событіи ни при чемъ. Это предложеніе было принято собраніемъ и утверждено губернаторомъ. вмѣстѣ съ этимъ г. Іозефи обратился къ гласнымъ съ такой рѣчью:

— Если охрана такъ неудовлетворительна, то будемъ ходатайствовать о разрѣшеніи намъ, гласнымъ, взять на себя охрану

высокихъ гостей нашего города, хотя бы для этого намъ пришлось дежурить по ночамъ.

И это постановленіе было принято и утверждено.

Кромѣ того, было постановлено всѣмъ поѣхать и расписаться въ книгѣ соболѣзнованій и повергнуть къ стопамъ Его Императорскаго Величества свои вѣрноподданническія чувства. Тутъ же гласные рѣшили назвать Малую Владимирскую улицу—«Столыпинской», приобрѣсти лечебницу Маковскихъ и назвать ее также «Столыпинской». Это «историческое» засѣданіе породило еще больше тревоги въ народѣ. Вечерняя газета опредѣленно сообщила, что Богровъ былъ охранникъ, разѣздной агентъ охраннаго отдѣленія. Всѣ обвиняли во всемъ Кулябка за лишнее довѣріе и за слѣпоту, которая не позволила ему разгадать въ Богровѣ террориста. Въ концѣ дня стало извѣстно, что Богровъ получилъ билетъ, какъ агентъ охраны, что онъ будто бы былъ приставленъ г. Кулябкомъ къ особѣ министра для охраны.

Вечеромъ городъ совершенно измѣнилъ свою фیزیономію. Не было видно не только массъ народа, какъ это было наканунѣ, но и небольшихъ группъ. Встрѣчались одиночные прохожіе, спѣшившіе домой съ выраженіемъ испуга и озабоченности на лицахъ. Какъ разъ въ 11 часовъ вечера Государь уѣхалъ въ Овручъ, и по городу расплозились слухи, что сегодня ночью надо ждать погрома. Городъ, еще вчера сіявшій электричествомъ, теперь былъ погруженъ въ темноту, вполнѣ гармонизировавшую съ уныніемъ, овладѣвшимъ жителями. Блестѣла огнями лишь арка при въѣздѣ во дворецъ да два-три дома по Александровской улицѣ. Казалось, что хозяева этихъ домовъ позабыли потушить фонари. Главная бойкая улица Крепчатикъ была совершенно пуста.

Толпа народа стояла лишь въ одномъ пунктѣ города—на углу Большой Подвальной и Малой Владимирской. Проѣздъ по Малой Владимирской былъ запрещенъ, тутъ черезъ улицу былъ протянутъ канатъ, стоялъ нарядъ городскихъ и конные жандармы. Набросана кругомъ солома, чтобы ослабить стукъ колесъ. Толпа стояла въ безмолвіи, лоя вѣсти, которыя изрѣдка приносились людьми, посѣщавшими лечебницу.

Въ первый день была большая надежда на выздоровленіе раненаго министра. Около постели больного собралось до 15 кievскихъ врачей. Среди нихъ нѣсколько профессоровъ: деканъ медицинскаго факультета Н. Н. Оболонскій, Яновскій, Рейнъ, Волковичъ и др. Консилиумомъ было установлено, что рана въ груди представляла собою отверстіе въ области шестого межребернаго промежутка кнутри отъ сосковой линіи. Выходнаго отверстія не было. Сзади пуля прощупывалась подъ 12 ребромъ на три пальца отъ линіи остистыхъ отростковъ позвонковъ. Вторая рана сквозная въ кисть правой руки. Я забылъ въ свое время упомянуть, что эта

вторая пуля, прострѣливъ руку министра, попала въ ногу перваго скрипача оркестра Антона Берглера. Раненый музыкантъ долго, но тщетно кричалъ: «Помогите!» На него никто не обращалъ вниманія: одни думали, что онъ призываетъ на помощь П. А. Столыпину, другіе, — что съ нимъ истерика. Только спустя полчаса онъ былъ доставленъ въ Тарасовскую больницу. Рана Берглера оказалась неопасной.

Владѣлецъ лечебницы докторъ Маковский, съ которымъ я тогда бесѣдовалъ, рассказывалъ, что врачи съ перваго момента раздѣлились на оптимистовъ и пессимистовъ. На другой день пріѣхалъ извѣстный петербургскій хирургъ профессоръ Цейдлеръ. Онъ опредѣленно сталъ на сторону оптимистовъ. Ослушавъ больного, онъ вышелъ въ комнату, гдѣ собрались врачи, и сказалъ:

— Ручаюсь, что больной выздоровѣетъ.

Но, напримѣръ, Маковский, по его словамъ, уже въ первый день ставилъ 65 противъ выздоровленія и 35 за выздоровленіе. А за день до смерти ставилъ уже 95 противъ. Онъ сообщилъ, что врачи съ перваго момента опредѣлили прострѣлъ печени. Между тѣмъ, въ официальныхъ бюллетеняхъ о печени говорилось, что врачи не установили точно прострѣлъ печени. По вскрытіи, какъ рассказывалъ мнѣ профессоръ Оболонскій, вскрывавшій трупъ, оказалось, что печень не только прострѣлена, но разможена, такъ какъ пуля, ударившись о владимирскій орденъ, расплющилась и вошла въ организмъ какъ разрывная. Любопытно, что врачи въ первый день говорили о благотѣльной роли владимирскаго креста. Онъ, дескать, ослабилъ силу раненія. Но оказалось какъ разъ наоборотъ.

Раненый министръ по дорогѣ въ лечебницу стоналъ, жаловался на боль, просилъ телеграфировать женѣ, чтобы она не беспокоилась. «Что суждено, тому не миновать», говорилъ онъ. Когда его привезли въ лечебницу, онъ крѣпко держалъ рукой раненую грудь. Врачи разрѣзали на немъ жилетъ и рубашку и отвели руку.

Министръ думалъ, что онъ сейчасъ умереть. Приобщился св. тайнъ. Но обнаруживалъ при этомъ рѣдкое присутствіе духа. Онъ уже не стоналъ отъ нестерпимыхъ болей, сдерживался. Въ самую тяжелую минуту, когда лежалъ на операціонномъ столѣ, онъ вспомнилъ о раненомъ музыкантѣ и спросилъ объ его здоровьѣ. «Славу Богу», сказалъ онъ, когда услышалъ, что рана музыканта не опасна. Вообще, по отзывамъ врачей, министръ былъ рѣдкій, исключительный больной. Докторъ Маковский говорилъ мнѣ, что за 16 лѣтъ практики онъ встрѣтилъ перваго такого дисциплинированнаго больного. Министръ былъ послушный, терпѣливый, деликатный больной. Обычно же больные капризны. Онъ иногда говорилъ: «Какъ мнѣ совѣстно, сколько хлопотъ и убытковъ я вамъ принесъ». Ни стоновъ, ни жалобъ мы отъ него не слыхали. Иногда только онъ говорилъ: «Больно». Или: «Тоска меня одолеваетъ».

Послѣ перваго осмотра и перевязки ранъ больного ему прописали абсолютный покой. Къ нему никого не пускали изъ постороннихъ за все время его болѣзни. На другой день пріѣхала его супруга Ольга Борисовна, она не отходила отъ его постели. Да дежурилъ врачъ, безъ котораго больной боялся оставаться. Исключеніе было сдѣлано только для В. Н. Коковцова, который исполнялъ обязанности предсѣдателя совѣта министровъ и, конечно, не могъ миновать указаній и руководства П. А. Столыпина. Онъ нѣсколько разъ бесѣдовалъ съ раненымъ. Третьяго сентября въ седьмомъ часу вечера Государь Императоръ по пріѣздѣ изъ Овруча прямо съ вокзала направился въ лечебницу. Врачи не были противъ того, чтобы Царь бесѣдовалъ съ министромъ. Но О. В. Столыпина, съ которой Государь милостиво бесѣдовалъ наединѣ, видимо, высказала опасеніе, что бесѣда можетъ отразиться на здоровьѣ больного. Поэтому Государь, высказавъ соболѣзнованіе Ольгѣ Борисовнѣ и разспросивъ о состояніи здоровья раненнаго, изволилъ отбыть во дворецъ. Въ «Кіевлянинѣ» тогда была напечатано, что О. В. Столыпина въ разговорѣ съ Государемъ сказала:

— Сусанины, Ваше Величество, не перевелись на Руси.

Я уже сказалъ, что въ первый день у врачей была надежда на выздоровленіе. Самъ больной также одно время вѣрилъ въ то, что останется жить. Но это продолжалось недолго. А. А. Столыпинъ мнѣ передавалъ, что больной все время чувствовалъ, что умираетъ.

— «Смерть незамѣтно подкрадывается ко мнѣ», говорилъ онъ. Братъ не вѣрилъ никакимъ увѣреніямъ врачей. Они успокаивали его, говорили, что недѣли черезъ двѣ онъ встанетъ, а онъ не вѣрилъ и говорилъ: «Нѣтъ, я чувствую, что умираю». Самообладаніе онъ сохранилъ удивительное. Только во снѣ прорывались стоны, все же остальное время онъ молчалъ, терпѣливо перенося муки.

III.

3-го сентября положеніе больного было неопредѣленнымъ. Нѣкоторымъ врачамъ оно внушило надежду на выздоровленіе. Боли и тошнота какъ будто стали меньше. Температура была все время нормальная. Ожидали, что вечеръ 4-го сентября опредѣлитъ положеніе.

Но воскресеніе 4-го сентября отняло у всѣхъ всякую надежду на выздоровленіе. Для врачей съ утра уже было ясно, что министръ умираетъ. Но публика еще не знала объ этомъ. Всѣ съ нетерпѣніемъ ждали дневнаго бюллетеня и, когда онъ появился, стали расхватывать его у газетчиковъ. Содержаніе его было печальное.

Ночью въ состояніи здоровья раненаго П. А. Столыпина наступило ухудшеніе. Появились признаки мѣстнаго воспаленія брюшины въ зависимости отъ кровоизліянія подъ грудобрюшной преградой. Температура въ 6 час. утра—36,6. Пульсъ 80. Дыханіе 26—28. Въ 8 ч. утра температура—37, пульсъ—104, дыханіе 24—26. Въ 10 час. утра сдѣлана перевязка. Рана найдена въ хорошемъ состояніи. Пуля извлечена, причемъ врачи прибѣгли къ мѣстному обезболиванію. Раненый перенесъ операцію удовлетворительно.

Все обратили вниманіе на то, что пулю, которую сначала было рѣшено не вынимать, теперь поспѣшно вынули. Значить, существуетъ опасность. Вечеромъ наступило рѣзкое ухудшеніе: при пониженной температурѣ пульсъ 140. Ухудшеніе вызвано, какъ полагали, внутреннимъ кровоизліяніемъ. Послѣ покушенія раненіе сопровождалось незначительнымъ кровоизліяніемъ. Теперь, думали, кровь вмѣсто выхода наружу скопилась между печенью и діафрагмою. Въ такихъ случаяхъ спасеніе возможно лишь въ томъ случаѣ, если сердце хорошо работаетъ. Но сердце у П. А. Столыпина оказалось слабое: онъ былъ малокровенъ. Скопившаяся кровь стала поэтому разлагаться...

Далѣе приходили вѣсти одна другой печальнѣе. Говорили объ ослабленіи дѣятельности сердца. На биржѣ 5-го сентября мнѣ передали, что у больного началась гангрена. Толпа около лечебницы вырастала и жадно ловила все слухи. Съ пяти часовъ вечера 5-го сентября въ публикѣ уже создалась увѣренность, что министр умираетъ. Хотя, какъ всегда въ такихъ случаяхъ, толпа была на границѣ между тѣмъ, чтобы повѣрить и не повѣрить этому. Помню, часовъ въ 6 вечера, когда уже не оставалось надежды, кто-то пустилъ слухъ:

— Сейчасъ больной попросилъ бульону и много его съѣлъ...

Все сразу повѣрили этому.

— Славу Богу, — говорили нѣкоторые: — а насъ пугали смертью.

Но такой самообманъ продолжался недолго. Скоро изъ лечебницы вышелъ докторъ Аѳанасьевъ и сказалъ:

— Агонія. Послѣднія минуты...

За нимъ проѣхалъ генераль-губернаторъ О. О. Треповъ и передалъ:

— Агонія. Врядъ ли переживетъ ночь.

Около 8 часовъ вечера вдругъ распространился слухъ: «Министръ уже умеръ, но это скрываютъ отъ насъ». Кто-то замѣтилъ на это:

— Но какой смыслъ скрывать?

— Мало ли что...

Всеѣмъ хотѣлось вѣрить, что есть какой-то смыслъ скрыть смерть П. А. Столыпина.

Въ 8 часовъ вечера изъ лечебницы вышелъ кievскій городской голова Н. Н. Дьяковъ и передалъ:

— Сердце перестаетъ работать, но... быть можетъ, при помощи камфары и удастся возстановить его дѣятельность.

Какъ ни странно, но это нерадостное «быть можетъ» тоже вселило въ толпу надежду.

Потомъ былъ долгій томительный перерывъ, когда не было никакихъ извѣстій изъ лечебницы. Помню, часовъ въ 9, когда еще министръ былъ живъ, какая-то дама въ черномъ, долго стоявшая въ толпѣ, вдругъ начала громко рыдать:

— Онъ умеръ,—говорила она:—а я такъ вѣрила, что онъ будетъ жить.

Ее увели.

Въ 10 часовъ вечера, когда на постели лежалъ уже трупъ министра, толпа еще не знала о смерти, но уже стала догадываться.

— Смотрите,—сказалъ кто-то:—вонъ прошли домой священникъ съ причетникомъ... значить...

— А вонъ сестры милосердія пошли домой съ вещами... больше, значить, дѣлать тамъ нечего.

Стали часто подъѣзжать фаэтоны и привозить разныхъ сановниковъ. Это также бросилось въ глаза и сочтено было за знакъ смерти. Наконецъ одно обстоятельство окончательно увѣрило всѣхъ, что министра не стало: къ канату подъѣхалъ кто-то на автомобилѣ, поговорилъ съ стоявшимъ тамъ полицейскимъ чиновникомъ, тотъ приказалъ спустить канатъ, и автомобиль, тяжело сопя и гроыхая, подъѣхалъ къ самому крыльцу. Всѣмъ стало ясно, что соблюдать тишину уже незачѣмъ. Минуть черезъ пять бородатый околоточный, сдерживавшій толпу, объявилъ:

— Минуть двадцать какъ скончался.

Многіе перекрестились. Толпа стала рѣдѣть.

Министръ умеръ 5-го сентября, въ 9 часовъ 53 минуты вечера на рукахъ жены, отъ него не отходившей. Его глаза остановились на ней и такъ замерли. Подошелъ врачъ и закрылъ ихъ. О послѣднихъ минутахъ мнѣ рассказывалъ братъ покойнаго, извѣстный журналистъ А. А. Столыпинъ:

— Когда началось умираніе,—сказалъ онъ:—ему давали морфій, чтобы затемнить сознание. Но замѣчательно—сознание было и не уничтожалось. Между тѣмъ дозы были большія. Среди мукъ онъ бредилъ. У него въ мозгу запечатлѣлась какая-то бумага, которую надо подписать, которую подписывать ему не хотѣлось, или было тяжело подписывать. Онъ говорилъ: «Неужели надо подписать?... Ну, хорошо, подпишу»... Потомъ онъ сказалъ: «Перо». Ему подали ручку безъ пера. Онъ сказалъ: «Кто же даетъ ручку безъ пера?»... Тогда дали ему ручку съ перомъ, и онъ подписалъ

на стѣнѣ¹⁾ свою фамилію. Передъ смертью онъ сказалъ вдругъ: «Зажгите всѣ огни... свѣта... свѣта... Поднимите меня выше... выше...»—и замолкъ.

Въ виду того, что признаки разложенія начали быстро развиваться, прокурорскій надзоръ и судебный слѣдователь по важнѣйшимъ дѣламъ нашли нужнымъ произвести вскрытіе тѣла покойнаго въ ночь смерти.

Вотъ выдержка изъ протокола вскрытія:

«Найдено: животь сильно вздутъ, напряженъ. Легкія всюду проходимы для воздуха, очень блѣдны, почти безъ крови. Сердце въ полтора раза больше противъ нормы, сильно обложено жиромъ; мышечныя стѣнки, особенно лѣваго желудочка, утолщены, блѣдны, съ желтоватою пятнистостью; вѣнечные сосуды сердца склерозированы. На брюшной поверхности кишекъ, особенно толстыхъ, свѣжія небольшія фибриновыя отложенія. Почки сильно обложены жиромъ, очень велики; вещество ихъ очень блѣдно, безъ кровно; вокругъ почечныхъ лоханокъ сильное отложеніе жира. Селезенка увеличена. Печень сильно увеличена; вещество ея блѣдное, малокровное. Пулевой каналъ черезъ всѣ стѣнки вещества. Стѣнки канала разможены... Всѣ измѣненія указываютъ, что огнестрѣльное раненіе было безусловно смертельнымъ, а обнаруженный при вскрытіи измѣненія болѣзненнаго характера органовъ могли лишь только ускорить смертельный исходъ».

Докторъ И. С. Маковскій говорилъ мнѣ:

— Вскрытіе блестяще подтвердило нашъ діагнозъ, поэтому совѣсть наша спокойна. Оказалось, что П. А. Столыпинъ и безъ пораненій былъ бы недолговѣченъ. У него былъ порокъ сердца, перерожденная печень и склерозъ почек...

Покойный передъ смертью завѣщалъ своей супругѣ похоронить его въ Кіевѣ. 6-го сентября, въ два часа дня его прахъ былъ торжественно перенесенъ въ лавру и поставленъ въ трапезную церковь. Мѣсто для склепа было отведено, согласно высочайшаго разрѣшенія, рядомъ съ могилой Кочубея и Искры. Тамъ министръ и былъ похороненъ 9-го сентября. Могила его утопала въ безчисленныхъ вѣнкахъ

IV.

Когда стало извѣстно, что Богровъ былъ сотрудникомъ охраны и прошелъ въ театръ по билету охраннаго отдѣленія, кіевское общество было страшно возмущено. На другой день послѣ покушенія

¹⁾ Видимо, подписалъ въ воздухѣ, такъ какъ на обѣихъ сторонахъ отъ умирающаго не было стѣнъ, къ стѣнѣ онъ лежалъ головой.

начальнику охраннаго отдѣленія Кулябку, распорядившемуся при проѣздѣ Государя, крикнули изъ толпы:

— Долой провокаторовъ!

Кричали правые, которые, помимо прочихъ соображеній, не могли простить ему, что онъ пользовался услугами еврея. Г. Кулябка понялъ, что ему небезопасно появляться на улицѣ. Онъ пересталъ выходить изъ дома, подалъ рапортъ о болѣзни и передалъ отдѣленіе своему помощнику Самохвалову.

Въ газетахъ и въ обществѣ появились слухи одинъ чудовищнѣе другого. Имя Богрова было неразрывно связано съ именемъ Кулябка. Говорили все, что только можно говорить въ случаяхъ, въ которыхъ трудно разобраться. Самъ раненый министръ объ убійцѣ сказалъ только такую фразу:

— Какой онъ былъ блѣдный, когда подбѣгалъ ко мнѣ. Онъ, несомнѣнно, думалъ, что совершаетъ геройскій поступокъ.

А. А. Столыпинъ объяснялъ убійство такъ. На вопросъ, зналъ ли покойный о томъ, что на него готовится покушеніе въ театрѣ, а что для его охраны посланъ Богровъ, Александръ Аркадьевичъ отвѣтилъ:

— Не зналъ, никто не сказалъ объ этомъ ни ему, ни его адъютанту. Да и не могъ сказать, такъ какъ слетѣлъ бы съ мѣста. Вѣдь министръ категорически запретилъ назначать «сотрудниковъ» для охраны. «Сотрудниковъ» дозволялъ употреблять только для раскрытія плановъ революціонеровъ. А Богровъ былъ сотрудникомъ.

— Кто же зналъ о томъ, что онъ назначенъ для охраны?

— Знали о Богровѣ товарищи министра внутреннихъ дѣлъ Курловъ, Веригинъ и начальникъ охраннаго отдѣленія Кулябка. Курловъ не только зналъ объ этомъ, но Богровъ былъ посланъ для охраны съ его вѣдома. Это былъ сговоръ трехъ лицъ, циническое издѣвательство надъ министромъ...

Родственникъ покойнаго сенаторъ Нейдгартъ сказалъ, когда зашла рѣчь о вскрытіи тѣла:

— Что тутъ вскрывать? Его поразила охранныя пуля.

Многіе думали даже болѣе опредѣленнѣе: Богровъ игрушка въ рукахъ людей охраны, которымъ нужно было покушеніе для своихъ цѣлей... Но, вѣроятно, все это являлось плодомъ раздраженія, результатомъ минуты. Болѣе правдоподобно, что провокаторъ-охранникъ Богровъ попалъ въ руки революціонеровъ. Они изобличили его въ провокаціи и потребовали реабилитации, иначе же грозили смертью. Конечно, тутъ возможно такое разсужденіе: «Богрову невозможно было надѣяться на спасеніе отъ петли, если онъ убьетъ министра, и, наоборотъ, онъ могъ такъ же легко скрыться отъ пули революціонеровъ, какъ скрылся Азефъ». Но, во-первыхъ, какъ видно, Богровъ послѣ убійства надѣялся избѣжать петли, онъ думалъ, что будетъ отданъ суду судебной палаты, а, во-вторыхъ, когда человѣкъ

запутается въ такой двойной страшной игрѣ, тутъ трудно отъ него ждать какой-нибудь логики. Богровъ шелъ уже съ закрытыми глазами. То, что онъ былъ именно охранникъ, а не революціонеръ, ярко говорить его «плодовитая» охранныя дѣятельность. Человѣкъ нѣсколько лѣтъ только и дѣлалъ, что отправлялъ своихъ товарищей на каторгу и подводилъ къ висѣлицѣ. Передаютъ, что повѣшено пять человѣкъ изъ выданныхъ Богровымъ. Революціонеръ не исполнилъ бы «работы» такъ «чисто», какъ это дѣлалъ Богровъ.

Но вернемся къ кievской дѣйствительности. О подполковникѣ Кулябкѣ писали, что онъ вооружилъ Богрова казеннымъ револьверомъ. Въ кievскихъ газетахъ я читалъ, что Кулябко внезапно исчезъ, что онъ сошелъ съ ума и даже застрѣлился. Но оказалось, что все это хотя и говорило о настроеніи кievлянъ, но не было похоже на правду. Кулябко окружилъ охранный отдѣленіе конными и пѣшими жандармами на случай нападеній правыхъ и просто отсиживался. 8-го сентября я обратился къ нему по телефону съ слѣдующей просьбой:

— Не будете ли вы любезны, въ виду разнорѣчивыхъ слуховъ о васъ и вашей роли въ дѣлѣ покушенія, описать мнѣ подробно, какъ было дѣло?

Онъ отвѣтилъ:

— Къ сожалѣнію, я не имѣю права отъ своего лица выступать въ печати...

Все-таки мнѣ дали возможность познакомиться съ позиціей охранныаго отдѣленія въ богровскомъ дѣлѣ. Я явился вечеромъ въ охранку, былъ во избѣжаніе «недоразумѣній» обысканъ, и затѣмъ выслушалъ такой разсказъ.

Дмитрій Богровъ состоялъ съ 1906 года (онъ былъ въ то время студентомъ второго курса) «секретнымъ сотрудникомъ» кievскаго охранныаго отдѣленія. Работалъ онъ чудно. Онъ шелъ по «анархистамъ». Благодаря ему, въ Кіевѣ не было партійной революціонной дѣятельности, а были лишь единичныя выступленія. Активной работы Богровъ не несъ: онъ былъ теоретикъ, т. е. его дѣятельность состояла въ доносахъ. Онъ былъ замѣчательно точенъ въ своихъ донесеніяхъ. Черезъ него шла вся переписка изъ тюрьмы. Не было ни одного его свѣдѣнія, которое бы не подтвердилось. Исключительно благодаря ему, разгромлены партіи анархистовъ-индивидуалистовъ, южныхъ интернаціональных анархистовъ, выданы полиціи такіе звѣзды анархизма, какъ Таратура, разгромлена группа максималистовъ въ Кіевѣ, Воронежѣ и Борисоглѣбскѣ. Благодаря Богрову, найдены у нихъ лабораторіи бомбъ и снаряды. Богровъ широко пользовался своими громадными связями и знакомствами среди интеллигенціи. Благодаря ему, многіе теперь отбываютъ каторгу; нѣкоторые кончили жизнь на висѣлицѣ.

Работалъ Богровъ въ Кіевѣ до половины 1910 года. По окончаніи университета онъ уѣхалъ въ Петербургъ, и кіевское охранное отдѣленіе не видало и не слыхало о немъ ничего до 26-го августа 1911 года. Въ этотъ день онъ явился къ подполковнику Кулябко и сообщилъ, что имѣетъ свѣдѣнія относительно готовящагося совершиться террористическаго акта и желаетъ передать эти свѣдѣнія подполковнику Кулябку, какъ своему бывшему начальнику.

Богровъ разсказалъ Кулябку слѣдующее.

Лѣтомъ 1910 года изъ Парижа въ Петербургъ пріѣхала дама. Она привезла партійную революціонную переписку и деньги для передачи какому-то неизвѣстному Богрову лицу черезъ Кальмановича и Егора Егоровича Лазарева. Видѣться лично съ Лазаревымъ дама не могла, такъ какъ его не было тогда въ Петербургѣ. Поэтому Кальмановичъ просилъ Богрова быть вмѣсто Лазарева посредникомъ. Богровъ завязалъ знакомство съ неизвѣстнымъ, который назывался «Николаевымъ Яковлевичемъ». Они разговорились. «Николай Яковлевичъ» выяснялъ убѣжденія Богрова, собиралъ о немъ справки. Видимо, «Николай Яковлевичъ» остался при убѣжденіи, что Богровъ революціонеръ. Потомъ они разстались. Богровъ уѣхалъ на дачу въ Потоки, близъ Кременчуга, и тамъ въ концѣ іюня получилъ отъ «Николая Яковлевича» письмо, въ которомъ тотъ спрашивалъ Богрова, не измѣнилъ ли онъ своихъ революціонныхъ убѣжденій. Богровъ отвѣтилъ, что не измѣнилъ. Въ концѣ іюля «Николай Яковлевичъ» пріѣхалъ въ Потоки и сказалъ: «У насъ есть дѣло. Въ Кіевѣ намъ нужна безопасная квартира». Богровъ обещалъ помочь въ отысканіи квартиры. «Николай Яковлевичъ» просилъ достать моторную лодку чтобы на ней пріѣхать въ Кіевъ, такъ какъ съ поѣздамъ и на пароходѣ ѣхать теперь, въ виду сильной охраны передъ пріѣздомъ Государя въ Кіевъ небезопасно. Богровъ отвѣтилъ: «Моторная лодка дорога...» — «Николай Яковлевичъ» возразилъ: «Пустяки, деньги есть».

Все это Богровъ подробно разсказалъ подполковнику Кулябку и просилъ указаній, что дѣлать. Кулябко сказалъ:

— Ни квартиры, ни лодки имъ не давайте. Какъ-нибудь отвертитесь отъ нихъ, соврите.

Богровъ объяснилъ Кулябку, что, какъ онъ понялъ изъ словъ «Николая Яковлевича», идетъ рѣчь о покушеніи на П. А. Столыпина и министра народнаго просвѣщенія Л. А. Кассо.

— Кулябко, — продолжалъ мой собесѣдникъ, — доложилъ объ этомъ сообщеніи начальству. Онъ докладывалъ письменно о готовящемся покушеніи товарищу министра внутреннихъ дѣлъ П. Г. Курлову и устно — кіевскому генералъ-губернатору О. О. Трепову и дворцовому коменданту. Знали объ этомъ также П. А. Столыпинъ, его адъютантъ Есауловъ и всѣ другіе. О. О. Треповъ на этомъ основаніи просилъ П. А. Столыпина сидѣть дома и не выѣзжать.

До 31-го августа Кулябко не видалъ Богрова. Утромъ въ этотъ день Богровъ по телефону сообщилъ ему, что «Николай Яковлевичъ» пріѣхалъ въ Кіевъ и остановился у него. Тогда Кулябко доложилъ объ этомъ начальнику всей охраны полковнику Спиридовичу и вице-директору департамента полиціи Веригину. Они позвали къ себѣ Богрова, и тотъ имъ разсказалъ все, что разсказывалъ подполковнику Кулябку. Тогда Богрову даны были указанія не принимать никакого активнаго участія. П. Г. Курловъ о готовящемся покушеніи докладывалъ П. А. Столыпину, Веригинъ — министру Л. А. Кассо. Тогда же были заведены для обоихъ министровъ автомобили, и въ помѣщеніи генераль-губернаторскаго дома, гдѣ жилъ П. А. Столыпинъ, была поставлена явная охрана, хотя такой охраны П. А. Столыпинъ не любилъ. Приказано было также никого изъ неизвестныхъ охранѣ лицъ не пускать въ домъ.

Богровъ сообщилъ 31-го августа, что у «Николая Яковлевича» два револьвера, а у пріѣхавшей съ нимъ дѣвцы «Нины Александровны» бомба. Этой дѣвцы онъ не видѣлъ, но она, по словамъ Богрова, скрывалась въ Кіевѣ. «Николай Яковлевичъ» потребовалъ у Богрова, чтобы онъ изучилъ примѣты П. А. Столыпина, разузналъ, кто его охраняетъ и какъ можно къ нему подойти. «Николай Яковлевичъ» потребовалъ, чтобы для этой цѣли Богровъ пошелъ въ садъ купеческаго собранія, гдѣ долженъ былъ присутствовать П. А. Столыпинъ. Богровъ говорилъ Кулябку, что у него дилемма: или идти въ купеческій садъ, или порвать связь съ террористами. «Сказать, что пойду, но не пойти — значитъ родить подозрѣніе, такъ какъ они, несомнѣнно, установили за мной перекрестную слѣжку». Тогда Кулябко далъ Богрову билетъ въ садъ купеческаго собранія.

Послѣ Богровъ разсказалъ Кулябку, что примѣты П. А. Столыпина онъ имъ не сообщилъ, сославшись на массу народа и тѣсноту, мѣшавшія ему подойти къ премьеръ-министру. Тогда революціонеры сказали ему, чтобы онъ изучилъ эти примѣты въ театрѣ. «Мнѣ, значитъ, — говорилъ Богровъ, — нуженъ билетъ въ театръ, ибо и въ театрѣ за мною будетъ установлена перекрестная слѣжка».

Кулябко былъ увѣренъ, что террористы могутъ имѣть связи въ кіевскомъ обществѣ и пройти въ театръ, получивъ билетъ черезъ городское управленіе. Поэтому онъ спросилъ Богрова, какъ онъ объяснить имъ полученіе билета въ театръ. Богровъ отвѣтилъ: «Я сказалъ «Николаю Яковлевичу», что у меня есть любовница Регина, женщина, принадлежащая къ высшему кіевскому обществу, и что черезъ ея посредство я и достану билетъ». У Кулябка не возникало и вопроса объ опасности, такъ какъ онъ не могъ не повѣрить Богрову, работавшему у него три года. Передъ нимъ стоялъ другой вопросъ: провалится Богровъ въ глазахъ революціонеровъ, или нѣтъ? Кулябко хотѣлось захватить всѣхъ заговорщиковъ поближе къ совершенію террористическаго акта и не упустить

ихъ. Онъ обѣщалъ Богрову дать билетъ въ театръ и послать ему билетъ въ семь часовъ вечера.

Передъ самымъ спектаклемъ Кулябко спросилъ Богрова по телефону: не перерѣшили ли они?—Богровъ отвѣтилъ: «Нѣтъ».

Богровъ, по словамъ моего собесѣдника, былъ допущенъ въ театръ не для охраны П. А. Столыпина, а въ цѣляхъ провокаціи и захвата террористовъ. Кулябко не слыхалъ отъ Богрова, что въ театрѣ будетъ произведено самое покушеніе. Богровъ передалъ ему, что въ театрѣ будетъ произведено только изученіе примѣтъ П. А. Столыпина и условій охраны.

Когда Богровъ пришелъ въ театръ, Кулябко отозвалъ его въ сторону и сказалъ:

— Меня волнуетъ вопросъ, не удралъ бы «Николай Яковлевичъ» въ ваше отсутствіе. Сѣздите домой, посмотрите, тамъ ли онъ. Скажите, что вы забыли дома перчатки.

За домомъ Богрова, гдѣ сидѣлъ Николай Яковлевичъ, хотя и былъ установленъ тайный надзоръ, но внѣшній, снаружи, а такъ какъ «Николай Яковлевичъ» не выходилъ, то никто изъ слѣдящихъ за домомъ не видалъ его.

Богровъ поѣхалъ во время перваго антракта домой и, вернувшись, сказалъ, что «Николай Яковлевичъ» сидитъ и ужинаетъ. Богровъ прибавилъ, что онъ самъ не заходилъ къ себѣ на квартиру, а спросилъ у швейцара о томъ, что дѣлается наверху.

Когда кончилось второе дѣйствіе, Кулябко опять отозвалъ Богрова въ сторону и сказалъ: «Боюсь, что мы проворонимъ «Николая Яковлевича». Поѣзжайте домой и держите его при себѣ. Не отпускайте ни на шагъ».

Богровъ пошелъ къ вѣшалкѣ одѣваться. Кулябко пропустилъ его впередъ, потомъ подошелъ къ П. Г. Курлову, искавшему его.

— Нужно замѣтить, — говоритъ мой собесѣдникъ, — что П. А. Столыпинъ зналъ обо всемъ этомъ подробно. Онъ пріѣхалъ въ театръ къ общему подъѣзду въ цѣляхъ конспираціи и, когда вошелъ, спросилъ Кулябка: Нѣтъ ли чего у васъ новаго?... Кулябко отвѣтилъ П. А. Столыпину: «Нѣтъ, пока сидитъ дома».

Послѣ втораго дѣйствія П. А. Столыпинъ просилъ П. Г. Курлова спросить у Кулябка, «какъ обстоитъ дѣло».

П. Г. Курловъ и Н. Н. Кулябко зашли въ телефонную комнату и стали разговаривать. Въ это время послышались выстрѣлы и шумъ. П. Г. Курловъ сказалъ: «Театръ рухнулъ».

Подбѣжавъ къ правому выходу изъ зала, они увидали лежавшаго на полу избитаго Богрова.

Кулябко послѣ этого не видалъ больше Богрова. Онъ просилъ въ эту ночь судебныхъ властей дозволить ему допросить Богрова, такъ какъ былъ увѣренъ, что тотъ выдастъ ему соучастниковъ, но ему не позволили.

Богровъ на допросъ заявилъ судебнымъ властямъ, что онъ выдумалъ всю эту исторію съ «Николаемъ Яковлевичемъ». Несмотря на все это, подполковникъ Кулябко до сихъ поръ считаетъ, что все рассказанное ему Богровымъ была правда.

Покушеніе Богрова на убійство П. А. Столыпина, повидимому, имѣетъ связь со случаемъ, происшедшимъ 26-го августа 1911 года.

Еще 23-го августа подполковнику Кулябку донесли, что въ Кіевѣ, по Караваевской улицѣ, въ домѣ № 7, проживаетъ нелегальный. Онъ хочетъ переправиться за границу: если его арестовать, то ему не миновать каторги. Кулябко установилъ за этимъ домомъ наблюденіе, и 26-го августа арестовалъ это лицо. Когда послѣдняго привели въ пріемную охраннаго отдѣленія, то онъ тотчасъ же выхватилъ револьверъ и пустилъ себѣ пулю въ високъ. Его звали Александромъ Юдинымъ. Арестована и находится теперь въ заключеніи его замужняя сестра, Марія Муравьева.

Кулябко думаетъ, что объ арестѣ Юдина зналъ Богровъ. Юдинъ, по мнѣнію Кулябка, былъ однимъ изъ членовъ группы террористовъ, подготовлявшихъ покушеніе на П. А. Столыпина. Террористы могли заподозрѣть Богрова въ провокаціи, предложить ему дилемму: «Или убей Столыпина, или мы убьемъ тебя».

Я спросилъ, гдѣ былъ адъютантъ П. А. Столыпина въ моментъ покушенія. Мой собесѣдникъ отвѣтилъ:

— Въ коридорѣ. Онъ съ кѣмъ-то разговаривалъ въ это время.

Кулябко, заявилъ мой собесѣдникъ, никуда не исчезалъ, не покушался на свою жизнь, такъ какъ считаетъ себя чистымъ. Онъ говоритъ, что преступленія не совершилъ, оставался на почвѣ министерскихъ циркуляровъ. Его можно обвинять въ оплошности, но нужно принять во вниманіе, что, во-первыхъ, онъ не могъ не вѣрить Богрову; во-вторыхъ, онъ страшно нервно былъ напряженъ, готовился къ пріѣзду Государя, не спалъ ночей, не раздѣвался даже ночью; въ-третьихъ, наконецъ, обо всемъ докладывалъ высшему начальству. Сейчасъ онъ устранился отъ дѣлъ охраны, подавъ рапортъ о болѣзни. Какъ только кончится судъ, Кулябко подастъ въ отставку, такъ какъ противъ него вооружены общество и, главное, правые, которые были всегда за него горой.

Послѣ покушенія на П. А. Столыпина былъ произведенъ обыскъ въ квартирѣ Богрова. «Николая Яковлевича», о которомъ выше шла рѣчь, тамъ не нашли. Арестовали лишь швейцара и тетку Дмитрія Богрова. Прислуга показала, что какой-то господинъ заходилъ къ Богрову въ день покушенія.

На вопросъ, чѣмъ объяснить, что Богровъ служилъ въ охранномъ отдѣленіи, мой собесѣдникъ отвѣтилъ:

— Богровъ не былъ революціонеромъ. Онъ осмѣивалъ революціонеровъ, ненавидѣлъ ихъ. Но онъ матеріально нуждался, такъ какъ отецъ его скупъ. Богровъ получалъ у насъ въ охранѣ 100—

200 рублей въ мѣсяцъ. Онъ былъ большой трусъ и особенно боялся, какъ бы его кievскіе знакомые и пріятели не узнали, что онъ провокаторъ. Эта мысль сильно тревожила его.

Слѣдствіе разбереть, гдѣ здѣсь «ложь во спасеніе» и гдѣ правда. Сидя въ охраннымъ отдѣленіи, я былъ свидѣтелемъ, какъ пришелъ кто-то изъ Косого капонира и позвалъ г. Кулябка «завтра на судъ надъ Богровымъ».

Богрова, какъ извѣстно, судили 9-го сентября, сейчасъ же, какъ только опустили прахъ П. А. Столыпина въ могилу. Присудили къ смертной казни черезъ повѣшеніе и въ ночь на 11-е сентября привели приговоръ въ исполненіе на Лысой горѣ.

V.

Ожиданіе погрома было настолько интенсивно, особенно въ первые дни послѣ покушенія, что на тревогу въ населеніи обратили вниманіе власти. 3-го сентября одна изъ кievскихъ газетъ отъ имени исполняющаго обязанности предсѣдателя совѣта министровъ В. Н. Коковцова объявила кievскому населенію, что властью приняты всѣ мѣры къ недопущенію какихъ бы то ни было безпорядковъ. Послѣ оказалось, что В. Н. Коковцовъ ни съ однимъ сотрудникомъ этой газеты не бесѣдовалъ по этому поводу и никого не уполномочивалъ что-либо объявлять. Заявленіе это все-таки произвело впечатлѣніе и немного успокоило евреевъ, хотя и не остановило ихъ бѣгства. Евреи попрежнему уѣзжали, хотя и не такими массами, какъ 2-го и 3-го сентября. Уѣхало уже около 12 тысячъ человѣкъ, конечно, богатыхъ людей, бѣднота оставалась въ Кіевѣ. Ломбарды были завалены вещами евреевъ, которые закладывали дорогія вещи за безцѣнокъ, лишь бы обезопасить ихъ отъ грабежа. На Подолѣ тѣ евреи, которымъ надо было въ эти дни платить аренду за лавки, отказывались отъ уплаты. «Подождите, — говорили они, — можетъ быть, насъ разорять». Торговцы-евреи, имѣющіе дѣло съ Лодзью, просили лодзинскихъ фабрикантовъ не отправлять имъ товаровъ въ Кіевъ. Какъ и въ первые дни, уплата по векселямъ шла туго. Поэтому банки предписали нотаріусамъ не протестовать срочныхъ векселей до 9-го сентября.

Казаки разъѣзжали по Подолу и прекращали всякія попытки къ манифестаціи. Монархисты собрались было на Владимирской горкѣ, но были разсѣяны. Они открыто объявляли, что погромъ начнется 12-го сентября. 5-го сентября, въ воскресенье, послѣ освященія памятника св. Ольги они опять собрались на Софійской площади и съ пѣніемъ «Спаси, Господи», направились къ зданію городской думы. Здѣсь они пытались говорить рѣчи, но были снова разсѣяны. Безъ всякихъ результатовъ осталась и зажигательная статья нѣкоего г. Глобачева, напечатанная въ «Двуглавои Орлѣ» и заканчивающаяся словами: «Бей тревогу, черносотенецъ».

Особенное впечатлѣніе произвелъ слѣдующій фактъ. Кіевскій полицеймейстеръ полковникъ Скалонъ призвалъ къ себѣ вожаконъ монархическихъ организацій и твердо заявилъ имъ, что никакихъ эксцессовъ онъ не допуститъ. Монархисты пробовали было возражать, что они не могутъ сдержатъ гнѣвъ народа, но полицеймейстеръ вновь заявилъ, что не допуститъ погрома. Немного спустя въ помѣщеніи службы сборовъ Юго-Западныхъ желѣзныхъ дорогъ былъ арестованъ счетоводъ Николай Галкинъ, состоящій председателемъ монархической организаціи «Двуглавый Орелъ». Арестъ Галкина находился въ связи съ погромной агитаціей. Также былъ арестованъ береговой босякъ, возбуждавшій рабочихъ къ устройству погрома.

Съ своей стороны, губернаторъ А. Ф. Гирсъ пригласилъ населеніе къ строгому охраненію порядка.

Но особенно сильное вліяніе на успокоеніе произвело объявленіе генераль-губернатора О. О. Трепова, въ которомъ онъ сообщилъ:

«Государь, отъѣзжая изъ Кіева, повелѣлъ мнѣ объявить населенію города и всего Юго-Западнаго края непреклонную свою волю. Его Величество воспрещаетъ толпѣ, обществамъ и отдѣльнымъ лицамъ проявленіе своеволія, могущаго вызвать безпорядокъ, дабы пребываніе его въ древнемъ Кіевѣ, на берегахъ днѣпровскихъ и на Волыни не было вновь ничѣмъ омрачено. Державная воля Государя для всѣхъ священна... Питаю увѣренность, что никто не дерзнетъ нарушить порядокъ въ предѣлахъ края, осчастливленнаго пребываніемъ возлюбленнаго Самодержца».

Кромѣ того, О. О. Треповъ, пригласивъ къ себѣ представителей кіевскихъ правыхъ организацій, категорически заявилъ имъ, что не допуститъ никакихъ безпорядковъ.

Все это подѣйствовало на вожаконъ монархическихъ организацій. Въ экстренномъ засѣданіи городской думы лидеръ правыхъ, гласный В. Г. Іозефи, заявилъ: «Мы должны сдѣлать все, чтобы внести успокоеніе. Мы должны подчеркнуть, что этотъ способъ (погромъ) считаемъ противорѣчащимъ совѣсти и здравому смыслу. Я счелъ нужнымъ поднять этотъ вопросъ именно какъ представитель правой группы, такъ какъ молва связываетъ эти слухи съ правыми организаціями. Я заявляю, что на собраніи правыхъ организацій было твердо рѣшено не допускать какихъ бы то ни было манифестацій, чтобы не дать этимъ поводъ для насильственныхъ выступленій. Покойный министръ являлся борцомъ за законность и порядокъ, и незаконное выступленіе будетъ кощунствомъ надъ памятью Столыпина».

Председатель кіевского отдѣла союза русскаго народа Постный обратился къ десятникамъ и сотникамъ дружины союза съ предписаніемъ принять всѣ зависящія мѣры къ тому, чтобы не были допущены нападенія на евреевъ, и предупреждать таковыя всѣми

возможными мѣрами, дабы имя «союза русскаго народа» не было запятнано. Кромѣ того, Постный просилъ дружинниковъ въ виду крайне тревожнаго времени быть какъ можно корректнѣе, выполнять всѣ требованія полиціи и не вступать съ нею въ пререканія.

Послѣ этого разные отдѣлы и подотдѣлы «союзовъ» стали присылать въ редакціи газетъ заявленія, что они далеки отъ нарушеній порядка.

Спокойствіе все-таки не сразу возстановилось. Виною этому были хулиганы, которые ходили вечеромъ и даже днемъ и избивали евреевъ. Такъ, послѣ панихиды по П. А. Столыпинѣ въ Владимирскомъ соборѣ толпа челоѣкъ въ 20 камнемъ ранила въ голову студента-еврея. Эта же толпа, когда шла по Александровской улицѣ, набросилась на еврея-приказчика Островскаго. Кто-то изъ толпы распоролъ ему ножомъ животъ. Приказчикъ умеръ въ больницѣ. Около 10 часовъ вечера 6-го сентября на людной Большой Владимирской улицѣ, близъ редакціи газеты «Кіевская Мысль», толпа неизвѣстныхъ напала на интеллигентнаго еврея и, нанеся ему тупымъ орудіемъ тяжелую рану въ голову, разбѣжалась. Были и другіе случаи нападеній, но они скоро прекратились.

Похороны министра прошли въ строгомъ порядкѣ. Послѣ похоронъ въ ближайшее время также не было попытокъ къ погромамъ. Уѣхавшіе евреи вернулись въ Кіевъ. Жизнь вошла въ свою колею.

А. С. Панкратовъ.

